

ИМЕТЬ КОРНИ

«Дорогу молодым!» — звучит сегодня в Ленинграде не призывом, а констатацией факта. Молодые работают интересно, разнообразно, их голоса звучат уверенно, звонко и во многом определяют уровень достижений ленинградского искусства и литературы. Подтверждением тому 40 лауреатов первого смотра творчества молодых под девизом «Молодость. Мастерство. Современность».

За восемь месяцев смотра сотни работ композиторов, художников, антеров и режиссеров театра и кино, писателей, архитекторов, журналистов, критиков, искусствоведов были рассмотрены представительством жюри под председательством народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Г. Товстоногова. Недавно оно назвало имена лучших. Жюри приняло решение наградить специальным призом дипломный курс Ленинградского института театра, музыки и кинематографии (руководитель курса И. Владимиров) за спектакль «Старший сын» (пьеса А. Вампилова) и активную шефскую работу. Диплома и медали смотра за программу творческого вечера удостоен солист Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова М. Барышников.

Н. СЕРГЕЕВА,
наш спец. корр.
ЛЕНИНГРАД.

Личность художника... Как в ней преломляются время, сегодняшние искания искусства? Насколько важные, серьезные цели художник ставит перед собой? На эти вопросы порой трудно ответить применительно к талантливому артисту балета, который начинает творческий путь едва ли не в мальчишеском возрасте, а к двадцати годам (если не раньше!) уже становится знаменитостью. И все же выпадают редкие случаи, когда появляется талант исключительный. Он только что познавал себя, пробовал силы и вдруг — как весенний ливень, как гром. Так и дарование Михаила Барышникова.

Его расцвет свершился стремительно. Тому свидетельством — золотые медали двух международных балетных конкурсов, диплом имени Вацлава Нижинского... Но слава виртуоза лишь ненадолго опередила становление художника — миннатора «Вестрис», потом Адам в «Сотворении мира» и окончательно Альберт в «Жизели» дали представление о незаурядности личности и богатстве возможностей молодого премьеры Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

Вот почему творческий вечер Барышникова вызвал интерес необычайный. Ведь исполнитель в этом случае может себя выразить буквально во всем: выборе репертуара, хореографов, музыки...

В программе вечера три постановки, идущие на сцене театра впервые. Звучат Моцарт, Равель, Прокофьев. Что и говорить, Барышников задал непростую задачу оркестру, руководимому В. Федотовым! Ставил балеты известные хореографы — Г. Алексидзе и М. Мурдмаа. Наконец, среди участников вечера — лучшие ленинградские балерины И. Колпакова и А. Осипенко, которая к огромной радости зрителей вновь появилась на Кировской сцене.

Три произведения различны по жанру, музыке, хореографической интерпретации. Но в каждом из них неизменно присутствует мотив пытливого духовного поиска. Он чуть завуалированно, но в то же время как бы прямую от себя утверждает

танцовщиком в «Безделушках» Моцарта. Тончайше сопряженная со структурой и эмоциональными токами музыки постановка Алексидзе могла бы не выйти за рамки превосходного дивертисмента. Это Моцарт улыбающийся. В калейдоскопе изящных дуэтов, па-де-труа, па-де-катров, исполняемых дамами и кавалерами в пудренных розовых или голубых париках, вспыхивают то и дело веселые искорки словно непредусмотренных хореографических шалостей. То кавалер вдруг невзначай опустит даму к себе на колено, то что-то забавное мелькнет в группировке, а то и, откровенно развеселясь, царица бала, И. Колпакова, зовет своих фрейлин, стуча в нетерпении об пол тыльными сторонами ладошек... Но вот эти бризги озорства и лукавства концентрируются в соло Барышникова — в каскаде ослепительных, непрерывно меняющихся, почти парадоксальных в своей противности к напризному стилю «галаантного века» и к современности хореографических темпов. Он дирижер этого пудренного, на деле же мнимо ретроспективного бала — сегодняшний художник, почерпнувший у Моцарта интеллектуальный и эмоциональный заряд.

Моцартовская вещь разделяет две постановки, где мысль современника обращается непосредственно к жизни. Обе они созданы Мурдмаа.

«Дафнис и Хлоя» (исполняется композиция из балета Равеля) — произведение сугубо камерное. Здесь нет

кордебалета, опущен мажорный музыкальный апофеоз, нет и острых драматических сдвигов, например, средняя часть, где Хлою похищает разбойник Бреаксис, подана даже в слишком приглушенной тональности. Но стоит взглянуть в импульсивную, гибкую, свободную пластику двух адажио, где дети природы Дафнис и Хлоя открывают мир человеческих чувств. Нартнерша Барышникова Т. Кольцова, недавно выдвигавшаяся молодая танцовщица, еще осваивает эту сложную пластику. Но сам Барышников с его исключительной чуткостью к пластическим интонациям танца сумел воплотить эмоционально-подвижное, сложное состояние души. Это процесс познания прекрасного.

Личность и ее отношения с трагедийной действительностью — тема прокофьевского «Блудного сына». Балет уже был показан в постановке М. Мурдмаа театром «Эстония». Ныне он с условным финалом впервые исполнен на ленинградской сцене.

Охристом пятно с условно намеченным коричневым пятном дверного проема — образ дома и одновременно выхода в манящий юношу мир. (К сожалению, это единственная живописная находка С. Дмитриевой, чьи декорации и костюмы не принадлежат к достоинствам вечера). Герою Барышникова томительно, тесно в уютной, но замкнутой семейной обители — он полон жизни, неуемной энергии. Горячая динамика прокофьевских ритмов находит выражение в

перывистых, острых, неупорядоченных пластических всплесках... Доминанта конфликта — встреча Блудного сына с Красавицей и предательство ложных друзей. В отточенном воплощении А. Осипенко Красавица то дразнящая, то язвительно жалеющая, то застывающая, как бесчувственный идол, античеловечна в своей внутренней сущности. Душевная неустрашенность еще очень юного, но нравственно бескомпромиссного героя Барышникова не может не вызвать к нему симпатии, а возвращение к родным пенатам воспринимается как закономерный исход. И все-таки не затоскует ли опять этот пылкий и возмужавший в страданиях юноша по бурной, суровой встречающей жизни? Он простирает к нам руки с вопросом...

Склонность к конфликтам, внутренне сложным, не поддающимся однозначным решениям, отчетливо проступает в искусстве Барышникова. Сама природа его таланта многоотпочна, щедря и сложна. У этого таланта прочный фундамент, прекрасная основа классической школы. Но ему тесно в замкнутых рамках пяти-четырех балетных названий, до сих пор составлявших репертуар исполнителя. Сегодня Барышников танцует спектакль о человеке, доме и мире, о необходимости иметь прочные корни и сохранять моральные ценности именно потому, что выход в мир для человека неизбежен.

В. ЧИСТЯКОВА,
ЛЕНИНГРАД.